

Несколько ничем не примечательных мужчин среднего возраста рыхлого телосложения смотрят не отрываясь в объектив, скромно фотографируясь на фоне грузинской церкви. На первый взгляд может показаться, что это фотография благочестивых паломников. Но это не так. Эти мужчины с пивными животиками на снимке являются, по имеющимся данным, боссами преступного мира Грузии, активно занимающимися тем, чем боссы грузинского преступного мира приучились заниматься с момента падения советской власти – подстраиваться к переменам и выживать.

Раньше все было гораздо проще. Будучи продуктом советской тюремно-исправительной системы, грузинские канониеры курдеби (воры в законе) – представители преступных групп, живущие по строгим законам воровской среды, – некогда считались «элитой преступного мира», удостоивавшейся (некогда) специального государственного эскорта на пути из тбилисского аэропорта.

Однако в новом исследовании издательства Oxford University Press под названием «Реорганизация преступного мира: мафия и антимафия в постсоветской Грузии» («Reorganizing Crime: Mafia and Anti-Mafia in Post-Soviet Georgia») британский криминолог Гэвин Слейд (Gavin Slade) отходит от привычного образа, дабы взглянуть на грузинских воров в законе с чисто академической отстраненностью социолога и обществоведа не как на легенду, а как на продукт своей постоянно меняющейся среды.

И в этом заключается величайшая ценность данного издания.

Автор исследования, считающийся главным экспертом по курдеби за пределами Грузии, называет в числе причин, способствовавших приходу воров в законе к власти в 1980-х и 1990-х годах, сильную теневую экономику советских времен и отсутствие эффективной правоприменительной и судебной системы.

Все очень просто: у населения Грузии имеются свои нужды и чаяния (будь то итальянская шоколадная паста или украденный автомобиль, который правоохранительные органы никак не могут отыскать), которые воров в законе могут обеспечить.

Правда, здесь таится определенное противоречие. Даже отбрасывая в сторону социокультурные объяснения былого влияния воров в законе – вроде утверждений об особой «ментальности» с ее скептическим отношением к писанным законам и преклонением перед сильными свободолобивыми мужчинами, – автор признает, что определенные социокультурные объяснения все же имеют место.

«Взаимопроникновение общественной жизни Грузии» существенным образом «способствовало» возникновению связи между воровским миром и государством, отмечает автор.

Прочтя эти строки, читатель может заинтересоваться подробностями этих былых отношений с обеих сторон. Однако их не следует.

Надо полагать, что воров в законе и их окружение, как нынешнее, так и прежнее, не славятся особой болтливостью. И это справочное издание, а не роман «Крестный отец».

Однако из 53 интервью, приведенных в книге, лишь три представляют собой беседу с лицами, либо имевшими когда-то связи с так называемыми «криминальными авторитетами», либо проходившими по делу какого-либо вора в законе.

Издание также не содержит справочного списка наиболее видных и не вызывающих сомнения грузинских воров в законе, хотя и включает в себя словарь наиболее часто употребляемых воровских терминов.

Наиболее захватывающие для читателя моменты содержатся в главах, в которых автор делает попытку проанализировать, каким образом воры в законе сумели интегрироваться в грузинское общество – потому что в них видели людей, умеющих «разобраться с ситуацией, не прибегая к насилию», фактических блюстителей порядка или, грубо выражаясь, по наблюдению одного бывшего полицейского начальника из Кутаиси, благодаря своим «большим машинам» и «деньгам».

Все эти предполагаемые преимущества, естественно, сошли на нет, когда в 2004 году экс-президент Грузии Михаил Саакашвили развернул свою решительную борьбу с курдеби.

Меж тем изменения, как отмечает Гэвин Слейд, к тому моменту уже начали происходить. Вместо прежней отсидки в местах лишения свободы как неперемного условия получения титула вора в законе пришли деньги (в одном случае 300 тыс. долларов) и семейные связи.

Как отметил один из респондентов, этот процесс напоминал ситуацию, когда британский футбольный клуб «Манчестер Юнайтед» подписывает контракт с каким-нибудь легендарным игроком..., а потом оказывается, что тот не умеет играть...».

В результате отношение общества к ворами в законе изменилось в худшую сторону. Ключевой задачей для них стало восстановление репутации, сопровождаемое попытками заслужить расположение общества путем взаимодействия с влиятельной Грузинской православной церковью.

Другие, столкнувшись с непримиримой борьбой Саакашвили с ворами в законе, покинули пределы страны. Эта тенденция привела в 2012 году к «коронации» нового вора в законе по Скайпу.

К чести Гэвина Слейда, который предоставляет материалы для статей EurasiaNet.org, нужно сказать, что повествуя об этом периоде, он не стал пересказывать уже набившую оскомину историю о реформировании Саакашвили дорожной полиции, уже изрядно поднадоевшую давним наблюдателям за событиями в Грузии.

Он называет реформирование правоохранительных органов «историей успеха», но предупреждает, что «продолжающиеся злоупотребления со стороны сотрудников полиции, отсутствие гражданского контроля и политизация» процесса вкупе с «широкомасштабными нарушениями прав человека и пытками в местах лишения свободы» означают, что Грузия не может служить «образцом для других стран» в деле борьбы с организованной преступностью.

Справедливая критика. Но автор порой описывает политику Саакашвили в отношении воров в законе лишь в общих чертах.

В первые годы пребывания Саакашвили у власти преступный мир занимал в умах властей одно из первых мест, однако к концу срока властных полномочий 2004-2012 годов уже не они служили для властей объяснением «любой кризисной ситуации или угрозы для своей власти». Эта роль скорее была целиком и полностью отдана России.

Какие изменения данный курс претерпел с 2012 года при нынешней правящей коалиции «Грузинская мечта», в издании не рассказывается. Эта тема ныне стала предметом политической игры в Грузии.

Такое отсутствие информации оставляет открытым вопрос о влиянии реформирования правоохранительных органов и тюремной системы на воров в законе Грузии в долгосрочной перспективе.

Гэвин Слейд предостерегает, что большое количество лиц, отбывавших наказание в местах заключения, а также сравнительно высокий уровень безработицы (официально составляющий 14,6 процента) могут дать ворами в законе возможность вернуть утраченные позиции.

Произойдет это или нет, покажет время. В конце концов, грузинские воровы в законе являются продуктом перемен, полагает автор издания.